

17 ИЮНЬ 1961

МИР ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ

18 июня исполняется 25 лет со дня смерти Алексея Максимовича Горького. День памяти великого русского советского писателя отмечают все советские люди, наши многочисленнейшие друзья во всех странах мира.

В нашей памяти, в нашей жизни очень многое связано с именем А. М. Горького. О людях, таких, как он, не забывают. Они живут.

«Как я люблю Ваши книги! Как уважаю я гуманистическую позицию, которую Вы занимаете в течение всех этих преступных лет! У меня сейчас так хорошо на душе, — и это потому, что я решился выразить Вам свою любовь иуважение. И не сочтите меня за назойливого человека, если я пошлю Вам две книги... Вы совсем не обязаны их читать, Вам нет надобности благодарить меня. Вы можете непрочитанными подарить их комунибудь. Просто у меня возникла потребность послать Вам что-нибудь».

Эти восторженные слова, которые мы читаем на первой же странице «Переписки А. М. Горького с зарубежными литераторами», недавно вышедшей в издательстве Академии наук СССР, принадлежат не юноше, не начинающему поэту, а зрелому, широко известному мастеру — Стефану Цвейгу.

Переписка Стефана Цвейга с Горьким продолжалась в течение тридцати лет. В письмах, а затем и в личных встречах крепла дружба двух больших писателей; но всегда, до последних дней, Цвейг называл Горького «дорогой и великий», часто обращался к нему со словом «мэтр» (учитель).

И в письмах Роллана — такие же восторженные, иногда похожие на стихотворения в прозе, слова: «Вы родили на ущербе зимы, на рубеже зарождающейся весны, в пору приближения разноденствия, — писал Роллан в марте 1918 года, не зная точно дату рождения Горького, но желая его поздравить. — Это совпадение символизирует Вашу жизнь, которая была связана с гибелем старого мира и с возникновением, среди бурь, мира нового. Вы были подобны высокой арке, соединяющей два мира, прошлый и будущий, а также Россию и Запад. Приветствуя арку! Она царит над дорогой. И те, которые придут вслед за нами, еще долго будут ее видеть. А я, человек, которому выпало счастье жить одновременно с Вами...».

Переписка, изданная горьковским архивом, открывает новую, очень содержательную страницу в жизни не только Горького, но и таких выдающихся его корреспондентов, как Ромен Роллан, Анри Барбюс, Жан-Ришар Блок, Виктор Маргерит, Стефан Цвейг, Гергарт Гауптман, Генрих Манн, Томас Манн, Иоганнес Бехер, Франц Элленс, Теодор Драйзер, Эптон Синклер, Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Сиддла Алерамо, Георгий Бакалов, Сельма Лагерлеф, Эми Сяо, Кнут Гамсун, Мартин Андерсен

Некес, Джон Голсурси, Лейно Эйно, Мате Залка и многих других.

Слова любви и восхищения, с которыми писатели обращались к Горь-

кому, выражали не только их отношение к его таланту; они выражали отношение к его общественной деятельности, к его роли в интеллектуальной жизни человечества той бурной эпохи, буревестником которой был великий русский писатель. И даже те корреспонденты, которые во многом расходились с Горьким во взглядах, не могли не видеть, какое выдающееся место занимал Горький в мировой литературе своего времени.

Как известно, Герберта Уэллса Октябрьская революция не столько обрадовала, сколько встревожила: русская революция пошла значительно дальше, чем того ожидали умеренные деятели, радовав-

шиеся свержению самодержавия. Еще в 1920 году Уэллс рассказывал Горького, скоро ли он напишет «что-нибудь новое, проливающее свет на все то непонятное, удивительное и страшное, что произошло в России».

Весной того же года Горький написал Уэллсу письмо, в котором резко протестовал против клеветнических измышлений лондонской «Таймс», сообщавшей о людоедстве, якобы существующем в Советской России. «...Высококультурные государства Запада весьма озабочены созданием для России таких условий, которые помогли бы скорейшему и окончательному одичанию и вырождению русского народа», — гневно писал Горький, возмущенный той клеветой, которую создавало разнуданное и злое воображение врагов Советской страны, «напрягающей всю свою волю на творчество социального опыта, имеющего, несомненно, общечеловеческое, общемировое значение». И в заключение он

добавил «несколько слов о Ленине»: «Это очень крупный человек и честный человек. Он играет в России роль грандиозного плуга, который неустанно пашет землю засоренную, неплодородную. Поверьте, что я не закрываю глаза на отрицательные явления, созданные войной и революцией, но я вижу также, как в русской массе пробуждается воля к творчеству, как народ этот постепенно становится силой активной. А для меня актуализм — начало всех начал, ибо «в начале было действие».

Вскоре после этого состоялась поездка Уэллса в Советский Союз, а зимой того же года вышла «Россия во мгле».

«Если верно, что приближающееся слияние народов означает переход всего хорошего, что есть в каждом отдельном народе, в новую, общую сущность людей, то именно Вы, Максим Горький, сделали больше всех для этого перехода, чтобы выявить в русской сущности наиболее важное миру», — писал Лион Фейхтвангер.

Для самого Горького особенно дороги были проявления дружбы между народами; он высоко ценил умение писателей не только отразить жизнь своего народа, но и стремление понять культуру других народов. «...Как много значит в наше дикое время тот факт, что такая книга о французе написана немцем, — писал он С. Цвейгу по поводу его книги о Роллане. — Ваша работа является для меня одною из тех побед человека над действительностью, которыми все разумные и честные люди имеют право гордиться...».

...Вот Горький, прочитав «Кола Брюньона», спешит выразить свое восхищение этой книгой, открывшей ему талант Роллана «в совершенно новом освещении». Вот Роллан, радуясь похвале своего друга, делится тем, как проходил творческий процесс: «Право, когда я писал о нем, у меня было чувство, словно я пишу под его диктовку. Я был пьяни, а ведь пил Кола! Я верю в существование Кола больше, чем в свое собственное».

Безоговорочная правдивость, проникновение в глубину человеческих побуждений, мыслей и чувств — вот что прежде всего ценят в литературе и Горький, и Роллан. С этой точки зрения они оценивают литературу, об этом пишут друг другу, разбирая «Очарованную душу» и «Жизнь Климента Самгиня», «Кола Брюньона» и «Мои университеты».

Нет никаких сомнений в том, что эта тщательно составленная, внимательно переведенная со многих языков книга будет с большим интересом встречена самыми широкими кругами читателей: эти письма вводят нас в атмосферу напряженной творческой мысли великого Горького и его современников.

Т. ТРИФОНОВА.

Алексей Максимович Горький.

Репродукция с картины худ. А. Ванециана.